

РОССИЯ В ВОЙНАХ И РЕВОЛЮЦИЯХ XX ВЕКА (к 75-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады)

Н. А. Ломагин

«Народному Комиссару Обороны товарищу Сталину»: донесения командующего Ленинградским фронтом К. Е. Ворошилова

В литературе доминирует мнение о том, что назначенный вместо не вполне компетентного маршала К. Е. Ворошилова¹ на должность командующего Ленинградским фронтом в сентябре 1941 г. генерал армии Г. К. Жуков стабилизировал фронт, а затем, выполнив свою миссию в Ленинграде, был направлен Сталиным организовывать оборону Москвы. При этом деятельность самого Ворошилова в Ленинграде до сих пор не исследована должным образом. Рассекреченные недавно материалы переписки командования Ленинградским фронтом со Ставкой и Генеральным штабом позволяют пролить свет на то, как разворачивались события, связанные с организацией обороны Ленинграда в июле — августе и особенно в первую декаду сентября 1941 г.

В «Воспоминаниях и размышлениях» Г. К. Жуков начал рассказ о критических для города днях со своего прибытия в Ленинград. Жуков пишет, что после знакомства на месте с ситуацией на фронте на заседании Военного совета фронта и последовавших за этим совещаний в ночь с 10 на 11 сентября с К. В. Ворошиловым, А. А. Ждановым, адмиралом И. С. Исаковым, а также некоторыми командующими родов войск об обстановке на фронте и дополнительных мерах по обороне Ленинграда, он «к исходу 10 сентября» вступил в командование Ленинградским

*Ломагин Никита
Андреевич*
д-р ист. наук,
проф., Европейский
университет
в Санкт-Петербурге;
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

фронтом на основании личной записки Сталина без объявления официального приказа². При этом приказ Ставки о назначении был подписан 11 сентября, после того как Жуков доложил Сталину о своем прибытии в Ленинград. В п. 3 этого приказа было сказано: «Товарищу Ворошилову сдать дела фронта, товарищу Жукову принять Ленинградский фронт в течение 24 часов с часа прибытия в Ленинград»³. Однако, как мы увидим ниже, Ворошилов еще 13 сентября входил с обращениями в Генштаб как командующий фронтом. Адмирал Н. Г. Кузнецов также указывал, что Жуков вылетел в Ленинград лишь 12 сентября с тем, чтобы заменить Ворошилова⁴.

Примечательно, что 13 сентября в город с особой миссией прилетел заместитель наркома внутренних дел В. Н. Меркулов, имевший мандат Государственного комитета обороны (далее — ГКО) № 670 на проведение подготовительных мероприятий на случай сдачи Ленинграда. В выданном В. Н. Меркулову специальном мандате говорилось, что он «является Уполномоченным Государственного Комитета Обороны по специальным делам. Тов. Меркулову поручается совместно с членом Военного Совета Ленинградского фронта тов. Кузнецовым тщательно проверить дело подготовки взрыва и уничтожения предприятий, важных сооружений и мостов в Ленинграде на случай вынужденного отхода наших войск из Ленинградского района. Военный Совет Ленинградского фронта, а также партийные и советские работники Ленинграда обязаны оказывать т. Меркулову В. П. всяческую помощь»⁵.

Что же происходило с командованием фронта в первую декаду сентября? Как видели Ворошилов и члены Военного совета, прежде всего Жданов, развитие ситуации на фронте? Действительно ли командование утратило веру в возможность отстоять город и готовилось к партизанской войне, как об этом писал в своих воспоминаниях помощник Маленкова Суханов, что и привело в конце концов к смене командующего?⁶ В чем, по мнению командования фронтом, состояли основные проблемы с обороной города, и что оно пыталось сделать? С какими просьбами Ворошилов и Жданов обращались к Верховному главнокомандующему и Ставке? Иными словами, была ли деятельность Ворошилова неадекватной тем задачам, которые выпали на его долю командующего Северо-Западным направлением, а затем Ленинградским фронтом, а сам Ворошилов — недостаточно требовательным, безынициативным и не проявлявшим волевых качеств командующим, или же у Сталина были иные основания для его смены? Наконец, когда генерал армии Жуков вступил в должность и что нового он привнес в организацию обороны города?

Мы не ставим перед собой задачу проанализировать развитие военной ситуации на Северо-Западном направлении и действия советского командования — эта тема заслуживает специального исследования. Для ответа на поставленные вопросы мы обратимся к тем решениям, которые Ворошилов вместе с членами Военного совета принимал с середины июля 1941 г.

С середины августа 1941 г. в течение нескольких недель Ленинград оказался в центре внимания И. В. Сталина и ГКО⁷. Тональность общения между давними соратниками Сталиным и Ворошиловым, отношения между которыми были проверены более чем 20 годами совместной работы, резко изменилась.

Если еще 26 июля Ворошилов обращался к Верховному Главнокомандующему на «ты», начиная свое письмо Сталину словами «Дорогой Коба!», то уже через две недели общение стало исключительно формальным, а Сталин высказывал серьезное недовольство действиями, которые предпринимались с целью организации защиты Ленинграда.

Информируя Ставку о положении на Северо-Западном фронте 12 июля 1941 г., Ворошилов обращал особое внимание на необходимость кадрового укрепления командования, в том числе замену командующего фронтом П. П. Собенникова и усиление штаба, так как «нач. Штаба фронта т. Ватутин не обеспечивает в должной мере штабного руководства». В результате ознакомления с положением на фронте, с докладом Собенникова и прибывшего с фронта генерал-майора Ермашкевича выяснилось: «Командующий фронтом обстановки на фронте не знает, связь с войсками у него случайная... В тех местах, где положение по докладу Собенникова характеризовалось как устойчивое, на деле оказалось, что наши части отходят... что командование по-прежнему все еще не управляет своими войсками и продолжа[ют] господствовать неразбериха и паника»⁸. Главным недостатком «т. Ватутина, по мнению товарищей (членов Военного совета. — Н. Л.), является отсутствие требовательности и характера в проведении своих часто правильных решений. Если будет другой командующий с волей и характером, — продолжал Ворошилов, — то т. Ватутин может справиться с работой»⁹.

Таким образом, вопрос командования фронтом на дальних подступах к Ленинграду встал еще в середине июля. Иные меры, принимавшиеся Ворошиловым с целью стабилизации фронта, сводились к обычным шагам: направлению членов Военного совета с группой ответственных работников на разные участки фронта «с задачей задержать войска и восстановить положение»; мобилизации в Ленинграде коммунистов «в целях политического и морального укрепления дивизий» (в данном случае речь шла в общей сложности о 3 тыс. чел.), а также мобилизации резервов комсостава в ближайшем Новгородском гарнизоне для направления в действующие части; наконец, создании условий, при которых удалось бы остановить «отход растрепанных войск Прибалтики через линию фронта». В связи с этим было решено «усилить заградотряды и перехватить не только магистрали, но и проселки, по которым главным образом и течет вся эта публика»¹⁰.

Чрезвычайный характер сложившейся ситуации потребовал принятия суровых мер. В частности, в Приказе № 3 Главного командующего войсками Северо-Западного направления от 14 июля 1941 г. содержалось требование «произвести строжайшее расследование всех преступных случаев самовольного оставления фронта отдельными частями, командирами и бойцами и всех виновных, невзирая на ранги и старые заслуги, предать суду полевых военных трибуналов с применением самого сурового наказания вплоть до расстрела»¹¹. Главком войсками Северо-Западного направления, в частности, приказал: «1. Командирам корпусов, дивизий и полков навести воинский порядок в частях на фронте и в тылу; положить конец безволию, нерешительности и медлительности в действиях. Не останавливаться перед крайними мерами, уничтожать

трусов и паникеров на месте, если они тем или иным способом будут срывать боевую дисциплину и порядок на фронте. 2. *Не отступать ни шагу назад* (выделено мной. — *Н. Л.*) без приказа старшего командира»¹². Приказ зачитывался во всех ротах, эскадронах, батареях, штабах, учреждениях и заведениях Северного и Северо-Западного фронтов, а также на КБФ. Таким образом, ни содержание, ни тональность приказа, ни дальнейшие действия¹³ не позволяли заподозрить Ворошилова и членов Военного совета в благодушии и мягкости.

24 июля, когда войска противника подошли к Ленинграду на расстояние 120 км и встал вопрос о строительстве Лужского оборонительного рубежа, на заседании партактива в Ленинграде Ворошилов был предельно откровенным. Он обратил внимание на то, что у него и Жданова сложилось впечатление о наличии между руководством и населением «некоторого разрыва», об отсутствии понимания у широкой публики всей серьезности сложившейся обстановки, в то время как предстояла большая работа по укреплению оборонительной полосы вокруг Ленинграда, прежде всего по р. Луга до истоков Ильменя. Охарактеризовав проделанную работу с точки зрения фортификационного искусства и наличия у противника танков, артиллерии и других средств как «детскую забаву, игрушку», Ворошилов призвал превратить существующие полосы в непроходимый для врага участок «с устройством всевозможного рода завалов, ловушек, противотанковых препятствий, гидросооружений», отметив, что решить эту задачу можно, так как «в Ленинграде достаточно умов, сколько угодно техники, есть воля». Для руководства работой по укреплению оборонительного рубежа создали специальную комиссию, наделенную «большими, даже диктаторскими полномочиями», в составе А. А. Кузнецова, председателя Леноблисполкома Н. В. Соловьева, председателя Ленгорисполкома П. С. Попкова, командующего Ленинградским военным округом генерал-лейтенанта Т. И. Шевалдина, директора Кировского завода И. М. Зальцмана и академиков Н. Н. Семенова и Б. Г. Галеркина¹⁴.

В ряду первоочередных задач были организация противовоздушной и противохимической обороны, подготовка к тушению пожаров. Ссылаясь на опыт Мадрида и Барселоны, Ворошилов выражал уверенность в том, что «в течение двух месяцев весь город можно убрать под землю»; надо «каждого снабдить противогазом, готовить людей работать в противогазах, готовить газозубежища, готовить население к большим налетам»¹⁵.

Намерения Ворошилова сформировать «вскоре», т. е. в начале августа, четыре-пять стрелковых дивизий и одну танковую, «перейти в контрнаступление и отдельными ударами, накоротке, трепать противника, а потом, подготовившись, начать и общее наступление», не сбылись. Однако то, что зависело исключительно от него и руководства Ленинграда, Ворошилов сделал: в городе были сформированы и оперативно брошены в бой дивизии народного ополчения, сражавшиеся на Лужском рубеже. Таким образом, удалось сорвать план противника по быстрому захвату Ленинграда. Несмотря на все сложности, Ворошилов по-прежнему выражал оптимизм и просил Сталина оставить его на фронте и не забирать в Москву, потому что, «если ему (Ворошилову. — *Н. Л.*) поручается что-либо серьезное, ударное, он с такой задачей справится

лучше, чем кто-либо другой»¹⁶. В завершении своего письма Ворошилов заверял Сталина: «Делаем все, чтобы противника разбить и преградить ему путь к дальнейшему распространению, но войска и малочисленны, и крайне слабы, а главное, большая расхлябанность в штабах всех степеней и среди начсостава. С. З. фронт оправляется быстрее и скоро, думаю, все здесь пойдет по-иному. Северный фронт, его войска, резко делятся на две части — одна это мурманские — карельские части — они дерутся хорошо, другая — это наследство прибалтийских войск, истрепаны и сколочены, и рядом с ними новые формирования (народное ополчение), но и здесь заметно улучшение. Командование фронтами слабое, если не сказать больше...»¹⁷.

Однако противник рвался к Ленинграду, преодолевая ожесточенное сопротивление советских войск. В Ставке полагали, что Гитлер сделает все возможное, чтобы город взять. В середине августа Сталин уже не был готов мириться с некоторой отстраненностью Ворошилова и требовал четких действий от него самого и командования фронтом. Он подчеркивал, что Ленинград следует оборонять до последней возможности, а при худшем варианте развития ситуации, по его мнению, необходимо было отдавать предпочтение прежде всего интересам армии и обеспечить ее вывод.

Стремительное нарастание угрозы Ленинграду вынудило Сталина командировать в город группу высших должностных лиц страны — заместителя председателя ГКО, наркома ВМФ, командующего ВВС, начальника артиллерии Красной армии и заместителя председателя Совнаркома СССР. 26 августа в Ленинград не без проблем¹⁸ прибыли уполномоченные Государственного комитета обороны В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Н. Г. Кузнецов, А. Н. Косыгин, П. Ф. Жигарев и Н. Н. Воронов для «рассмотрения и решения, совместно с Военным советом Главного Командования Северо-Западного направления и с Военным советом Ленинградского фронта, всех вопросов обороны Ленинграда и эвакуации предприятий и населения Ленинграда»¹⁹. Эта комиссия приняла ряд решений, которые, однако, большей частью так и остались на бумаге. Быстро менявшаяся обстановка и ее оценка на месте приводили к тому, что по одному и тому же вопросу в течение двух-трех дней принималось несколько несовместимых друг с другом решений. Противоречивость и даже конвульсивность действий комиссии ГКО еще более дезориентировали местное руководство, которое в полном объеме смогло продолжить работу по укреплению обороны лишь по прошествии недели. Тем не менее Комиссия выделила три важнейшие сферы, которые для Ленинграда надолго оставались ключевыми: оптимизация органов военного управления, дальнейшая эвакуация предприятий и населения, обеспечение войск фронта и населения города боеприпасами и продовольствием.

Из тех решений Комиссии ГКО, которые имели большое значение для обороны Ленинграда, следует назвать, во-первых, реформу управления войсками; во-вторых, отмену 28 августа 1941 г. «до особого распоряжения» представления ГКО, принятого всего двумя днями раньше за № 587сс «Об эвакуации Кировского завода Наркомсредмаша и Ижорского завода Наркомсудпрома»; в-третьих, разработку комплекса мер по упорядочению распределения оставшегося в Ленинграде продовольствия.

Первое решение, к сожалению, полностью реализовано не было, особенно в части командования. Может показаться парадоксальным, но в течение восьми дней, по мнению главнокомандующего маршала Ворошилова, у него не было квалифицированного начальника штаба. Несколько просьб, адресованных Сталину и начальнику Генштаба, так и остались без ответа. Последняя была высказана 12 сентября 1941 г., и о ней мы расскажем ниже.

Второе из названных выше решений предусматривало, что вся бронетанковая продукция ленинградских заводов до 10 сентября включительно должна была оставаться в распоряжении Ленинградского фронта²⁰. Это было очень рискованное решение. В случае военного успеха противника оно могло повлечь за собой потерю крупнейших военных заводов. Вместе с тем оно отражало намерение Сталина максимально укрепить оборону города за счет местных ресурсов и вести борьбу за Ленинград до последней возможности.

Пока Комиссия ГКО находилась в Ленинграде, немцы продолжали оказывать мощное давление, приближаясь вплотную к городу. В Приказе верховного командования сухопутных войск вермахта от 28 августа 1941 г. группе армий «Север» говорилось:

1. Окружить Ленинград кольцом как можно ближе к самому городу, чтобы сэкономить наши силы. Требование о капитуляции не выдвигать.

2. Для того чтобы избежать больших потерь в живой силе при решении задачи по максимально быстрому уничтожению города как последнего центра красного сопротивления на Балтике, запрещается наступать на город силами пехоты. После подавления сил ПВО и истребительной авиации противника подлежат разрушению водопровод, склады и электростанции, которые обеспечивают жизнедеятельность города и его способность к обороне. Военные объекты и вооруженные силы противника подлежат уничтожению артиллерийским огнем. Любая попытка населения выйти из кольца должна пресекаться, при необходимости — с применением оружия.

3. Группе связи штаба «Север» надлежит поставить перед финским высшим военным командованием задачу, чтобы находящиеся на Карельском перешейке финские войска осуществили окружение Ленинграда с севера и северо-востока и соединились с немецкими войсками, форсирующими Неву, и таким образом была бы решена поставленная задача по окружению противника.

Непосредственная координация взаимодействия между командованием группы армий «Север» и группой связи штаба «Север» будет своевременно осуществляться верховным командованием сухопутных войск²¹.

Недовольство Сталина складывающейся оперативной обстановкой на Ленинградском фронте переросло в раздражение. 29 августа он направил телеграмму членам ГКО В. М. Молотову и Г. М. Маленкову, находившимся в то время в Ленинграде. В телеграмме Сталин высказывал опасение, что «если так будет продолжаться... Ленинград будет сдан идиотски глупо, а все ленинградские дивизии рискуют попасть в плен». Его особенно волновали молчание и бездействие военного командования, которое было занято «исканием новых рубежей отступления». Вопрос о том, «откуда у них такая бездна пассивности

и чисто деревенской покорности судьбе», весьма четко отражал, каким выделось из центра ленинградское военное руководство, не сумевшее умело использовать современную технику для отпора наступавшим немецким войскам. Завершая свое послание В. М. Молотову и Г. М. Маленкову, Сталин высказал предположение о том, что «кто-то нарочно открывает немцам дорогу на этом решающем участке», и попросил дать характеристику Попову²², а также подробно проинформировать о деятельности Ворошилова в организации обороны²³.

Общий характер донесений командования фронтом из Ленинграда никакого оптимизма Ставке внушить не мог. В них шла речь о том, что превосходящие силы противника — финнов и немцев — атаквали позиции защитников Ленинграда с севера и юга и, несмотря на сопротивление войск фронта, постоянно приближались к окраинам города. Меры, принимавшиеся командованием фронтом, не помогали: танки КВ с ленинградских заводов поступали в войска чуть позже, чем это было необходимо, и их не успевали использовать там, где наступали немецкие части; авиация, находившаяся в распоряжении командующего 54-й армией маршала Кулика, обороне города почти не помогала, подставив защитников Ленинграда и весьма ограниченные военно-воздушные силы фронта под мощные удары бомбардировщиков первого воздушного флота вермахта. По сути, сил авиации фронта хватало лишь на то, чтобы в максимальной степени предотвратить налеты на город и сохранить собственные аэродромы. Не могли решить проблему стабилизации фронта и созданные в начале сентября мобильные резервы, которые должны были затыкать бреши в обороне и не допускать прорыва противника в город. Эти меры были сродни потерпевшим неудачу еще в июле попыткам создать до 300 отрядов в составе 30–50 чел., которые, действуя в тылу противника, были призваны дестабилизировать его коммуникации в ходе Лужской оборонительной операции²⁴.

К исходу августа значительная часть кадровых частей была разбита, а лучшие силы ленинградских рабочих, объединенных в дивизии народного ополчения, едва ли могли переломить ход боев под Ленинградом. К тому же подкрепление, отправленное на помощь городу в количестве 17 маршевых батальонов, куда-то пропало в самый ответственный момент, когда немцы взяли Шлиссельбург. Очевидно, что Сталина это никак устроить не могло, и он видел в поведении командования фронтом все ту же «деревенскую покорность судьбе», в которой упрекал Ворошилова, Жданова и Попова в конце августа 1941 г. Насколько оправданными были эти упреки?

На финском направлении ситуация развивалась весьма драматично. Речь шла о том, что командование 23-й армии не справилось с управлением войсками, а отвод частей 123-й, 115-й и 43-й дивизий из-под Выборга на новый рубеж превратился «в паническое бегство» вследствие «безответственного отношения к делу и бездеятельности командующего армией генерал-лейтенанта Герасимова и члена Военного Совета бригадного комиссара Сосновникова», которые были отстранены от должности²⁵. В итоге финские войска 4 сентября дошли до линии боевого охранения главной оборонительной полосы укрепрайона у Белоострова. Стремительное продвижение финнов к Ленинграду, как известно, побудило Сталина обратиться к союзникам с просьбой

оказать давление на Хельсинки, чтобы финские войска не перешли старой границы.

Возможно, по инерции своего предшествующего опыта планирования и ведения войны с Финляндией в 1939–1940 гг. Ворошилов по-прежнему видел в ней основную угрозу Ленинграду, тем более что фронт на Карельском перешейке рухнул неожиданно быстро и его не удавалось стабилизировать вплоть до конца первой декады сентября.

С целью укрепления фронта на севере у 42-й армии, на которую немцы продолжали активное давление в направлении Урицка, командование забрало одну из дивизий в надежде на то, что возникшую брешь на южном участке фронта вскоре удастся закрыть новыми танками, но их введение в бой задерживалось.

Недоверие Сталина по отношению к ленинградскому руководству проявилось и в том, что в городе в начале сентября остался Маленков, подпись которого, наряду с подписями Ворошилова, Жданова, Клементьева и Кузнецова, стоит под несколькими донесениями Сталину. До 13 сентября был в Ленинграде и главком ВМФ Кузнецов.

Конечно, командование фронтом, как будет показано далее, ни в коем случае не утратило волю к сопротивлению — многое делалось для использования ограниченных сил и средств, в частности была задействована артиллерия КБФ для ударов по наступающему противнику. В город часто приезжал и первый заместитель наркома внутренних дел В. Н. Меркулов, который по линии своего ведомства организовывал вместе с региональным управлением НКВД работу по внутренней обороне города, а позже — по реализации мероприятий на случай его вынужденного оставления.

Что же касается положения в Ленинграде, то Военный совет, готовясь к худшему, совместно с заместителем наркома НКВД В. Н. Меркуловым и начальником Управления НКВД ЛО П. Н. Кубаткиным разработал мероприятия по организации непосредственной обороны города. В приказе предлагалось организовать оборону Ленинграда по двум главным направлениям — северному и южному — и двум дополнительным, а территорию города разбить на восемь секторов²⁶, занять эти сектора частями НКВД и оснастить оборонительные сооружения артиллерией и минометами, а также привлечь для обороны местные рабочие формирования²⁷.

Войска наркомата внутренних дел, дислоцированные в городе, приступили к организации его обороны. Начальником северного направления был назначен командир 20-й стрелковой дивизии полковник Иванов, а южного — командир 21-й мотострелковой дивизии полковник Папченко. Начальникам направлений было предложено в двухдневный срок разработать и представить на утверждение детальную схему оборонительных сооружений в секторах. Командный пункт войск НКВД находился в здании Управления на пр. Володарского²⁸. До прибытия в Ленинград с особой миссией В. Н. Меркулов подписал еще один приказ²⁹, в соответствии с которым войска НКВД Ленинграда были объединены под одним началом. Начальником войск НКВД Ленинграда был назначен комбриг А. П. Курлыкин, а военным комиссаром — полковой комиссар

М. П. Звонов. Перед ними была поставлена задача «к 22 часам 00 м. 15 сентября 1941 г. сформировать оперативный штаб войск НКВД, обратив на его укомплектование личный состав Управления охраны войскового тыла Северного фронта и штаба 2-й дивизии по особому списку»³⁰. Таким образом, наряду с активной разведывательной и контрразведывательной работой, осуществлением мер по политическому контролю, подготовкой специальных мероприятий в Ленинграде Управление НКВД делало все возможное, чтобы отстоять город, мобилизуя практически все имевшиеся в его распоряжении ресурсы.

9 сентября 1941 г. причиной «позорного» отступления 23-й армии на Карельском перешейке, превратившегося в беспорядочное бегство, во время которого части побросали почти все оружие, оснащение и понесли огромные потери личного состава, Ворошилов и Жданов назвали преступным отношением к управлению войсками со стороны командующего армией генерал-лейтенанта М. Н. Герасимова. Более того, ссылаясь на показания осужденных в 1938 г. к расстрелу его бывших сослуживцев А. И. Седякина³¹ и А. В. Сатина³², Герасимова задним числом попытались представить участником контрреволюционного заговора и просили дать санкцию на его арест³³, чего, к счастью для Герасимова, не произошло.

Очередным ударом по репутации командования фронтом в глазах Ставки стала утрата Шлиссельбурга, о чем ранним утром 9 сентября 1941 г. Ворошилов и Жданов информировали Генеральный штаб: «Шлиссельбург 8.9.41 занят противником. Подробности в боевом донесении»³⁴. Таким образом, немецким и финским войскам удалось установить сухопутную блокаду Ленинграда.

В целом ситуация на фронте оставалась очень напряженной, особенно на участке 42-й армии, где противник сосредоточил большие силы авиации и танков, подавил зенитную батарею и разбил несколько дзотов, угрожая осуществить прорыв переднего края Красногвардейского укрепрайона. Части 41-го стрелкового корпуса, которые в окружении вели бои на южной окраине Вырицы, из-за отсутствия горючего и из-за физического истощения личного состава оказались в ситуации, когда спасти технику было чрезвычайно сложно. Усилий по организации снабжения корпуса горючим, продовольствием и боеприпасами при помощи авиации по-прежнему было недостаточно³⁵.

10 сентября противник прорвался на фронте 42-й армии в Гатчинском районе у населенных пунктов Высоцкое, Скворицы в направлении населенного пункта Красное и пошел дальше на Дудергоф. С целью уничтожения прорвавшегося противника 42-й армии передавалась 11-я стрелковая дивизия, перед которой была поставлена задача нанести удар во фланг и в тыл противника³⁶. Чуть позже в район Тайцы и Дудергофа на автотранспорте был переброшен резервный 500-й стрелковый полк, а в район Красного Села — бригада морской пехоты, которой при поддержке 1-й танковой дивизии и отдельного танкового батальона надлежало контратакой восстановить положение. При этом существенная роль в достижении успеха отводилась артиллерии КБФ, в том числе больших калибров, а также авиации.

Положение окруженного 41-го стрелкового корпуса, несмотря на сброшенное ночью с четырех тяжелых самолетов горючее и продовольствие, не

улучшилось. Радиосвязь с ним была утрачена, и восстановить ее не удалось. От командующего 48-й армией М. А. Антонюка по радио поступали лишь «отрывочные и путанные» донесения, в том числе приказ совместно с войсками 54-й армии вести наступление в общем направлении на ст. Мга с целью уничтожения противника, прорвавшегося в Шлиссельбург³⁷.

Большую тревогу вызывали налеты на Ленинград вражеской авиации, которая в большинстве своем прорывала противовоздушную оборону и сбрасывала на город фугасные и зажигательные бомбы. При первом дневном налете на Ленинград 8 сентября было сброшено более 6300 зажигательных бомб, вследствие чего возникло 178 пожаров. Наиболее крупные пожары возникли от 50 бомб на Ленхлагомбинате, от 68 бомб на базе Управления госрезервов, от 70 бомб на Коксовом комбинате и 280 бомб на складах им. Бадаева. Пожар на Бадаевских складах тушили до 23 часов³⁸. В результате ночного налета были разрушены два резервуара и водонапорный узел городской водонапорной станции, несколько жилых домов и верхнее покрытие пролетного строения Литейного моста³⁹.

Налеты 9 сентября производились меньшими силами, но были значительные человеческие жертвы — 30 убитых и 162 раненых. Из объектов инфраструктуры большой ущерб был нанесен товарной станции Финляндского железнодорожного узла, в городе возникло четыре пожара, которые удалось быстро потушить⁴⁰.

Одной из ключевых проблем фронта была организация управления на всех уровнях и взаимодействия командования фронтом с командованием 54-й и 48-й армий. Такое взаимодействие, наряду с железной дисциплиной, могли обеспечить максимально эффективное использование ограниченных ресурсов, прежде всего артиллерии и авиации. Однако после того как со своей должности был смещен М. М. Попов, у фронта, по сути, не было авторитетного начальника штаба. Сменивший М. М. Попова полковник Н. В. Городецкий, хотя и обладал опытом штабной работы в 23-й армии и на Северном фронте, по мнению Ворошилова, был фигурой временной. Не случайно настоятельные просьбы о назначении начштаба — заместителя командующего фронтом — звучали постоянно, при этом командование фронта однозначно высказывалось против направления в Ленинград генерал-лейтенанта М. С. Хозина.

Так, в донесении Сталину 1 сентября, подписанном Маленковым, Ворошиловым и Ждановым, этот пункт, хотя и был третьим по счету после сообщения о взятии немцами Мги и попытках силами дивизии НКВД вернуть ее под свой контроль, а также о планах в отношении КБФ, подготовленных наркомом Кузнецовым, но, по сути, оказался наиболее емким и эмоциональным. В нем, в частности, говорилось: «Все члены Военсовета Ленинградского фронта знают Хозина по его работе в ЛВО и единодушно заявляют, что Хозин слабый работник, присылку его считаем нецелесообразной. Хорошего заместителя командующего Ленинградского фронта прислать желательно»⁴¹.

7 сентября в Генштаб вновь была направлена шифром телеграмма с просьбой усилить командование фронтом квалифицированным начальником штаба. В ней сообщалось, что к исполнению этой важнейшей функции

на Ленинградском фронте был допущен полковник Городецкий, «но он с этой работой не справится, а из имевшихся штабных работников подходящих кандидатур не было». В связи с этим Ворошилов просил назначить начальником штаба Ленфронта либо Василевского, либо Ватутина⁴². Наконец, 12 сентября в 5:00 утра Ворошилов в последний раз обратился к начальнику Генштаба маршалу Шапошникову с вопросом о начальнике штаба: «Неоднократные просьбы о назначении начштаба сперва С. З. направления, а теперь Ленфронта не только не удовлетворены, но я не удостоился даже ответа. Считаю это не деловым отношением и жду ответа — будет ли назначен начальник штаба Ленфронта или нет. Если будет назначен, то кто и когда»⁴³.

Вопрос использования современных танков, поступавших на фронт с Кировского завода, также был довольно сложным. Ворошилов, Маленков, Жданов и Воронов докладывали, что Ленинградский фронт имел довольно много новой техники, в частности танки КВ, но в войска они попадали «по мере поступления от промышленности», т. е. фактически рассчитывать на них для проведения наступательных операций они не могли. Новые танки являлись резервом фронта с целью прикрытия наиболее опасных для города направлений.

В частности, в донесении Сталину о положении на фронте от 1 сентября 1941 г. об организации обороны на участке от южной части Красногвардейского укрепрайона до р. Волхов, в расчет сил и средств 168-й стрелковой дивизии были включены 25 танков КВ, 70-й стрелковой дивизии — 18 танков КВ, дивизии НКВД — 9 танков КВ, 191-й стрелковой дивизии — 8 танков КВ и формировавшейся к 8 сентября 4-й дивизии народного ополчения — 12 танков КВ. Таким образом, речь шла о 72 танках КВ, которых еще не было на фронте, вследствие чего основная тяжесть борьбы с танками противника возлагалась на артиллерию, которой также остро не хватало. При этом ее огневой мощи было недостаточно для того, чтобы противостоять артиллерии противника. Поэтому в дополнение к имевшемуся полку тяжелой артиллерии командование Ленинградского фронта просило выделить еще один полк из резерва Ставки⁴⁴. Тем временем с 4 сентября со стороны Тосно противник вел обстрел Володарского, Фрунзенского и Московского районов города 240-миллиметровыми снарядами⁴⁵.

Ночью 6 сентября 1941 г. Ворошилов докладывал о тяжелом положении на всем протяжении фронта: если на Белоостровском направлении предпринимались попытки отбросить противника за старую границу силами 198-й стрелковой дивизии, то на других участках фронта с финнами 23-й армии приходилось сдерживать натиск противника. В свою очередь, 8-я армия вела оборонительные бои, стараясь не допустить прорыва между левым флангом армии и войсками Красногвардейского укрепрайона. Тяжелые бои вели 55-я армия у Новолисино и 48-я армия у Мги. При этом немецкая дальнебойная артиллерия продолжала обстрел южной части Ленинграда, в результате которого были десятки убитых и раненых. Впервые в этом донесении К. Е. Ворошилов просил Сталина оказать воздействие на маршала Кулика в связи с тем, что находившаяся в его распоряжении авиация в районе Тихвина не выполнила приказ командования фронтом «ввиду получения боевых заданий

от тов. Кулика»⁴⁶. Через несколько часов К. Е. Ворошилов и А. А. Жданов отправили по Бодо специальное сообщение Сталину и начальнику Генштаба Б. М. Шапошникову об отсутствии координации с авиацией, находившейся в распоряжении Кулика: «Т. Кулик, не считаясь с боевыми заданиями, которые получает авиация Ленинградского фронта, базирующаяся в районе Плеханово — Тихвин, ставит ей свои задачи и перебрасывает тылы этой авиации, не ставя об этом Ленфронт в известность. Прошу обуздать непрошенного помощника. Авиации у нас чрезвычайно мало, и на двух хозяев она работать не может»⁴⁷. Впоследствии проблема взаимодействия с Куликом в сообщениях командования Ленфронта поднималась неоднократно, но ни Ворошилову, ни сменившему его генералу армии Г. К. Жукову решить ее так и не удалось.

Тем временем продолжались бои на подступах к главным оборонительным позициям, прикрывавшим Ленинград и Кронштадтскую базу КБФ с ее системой береговой обороны. На Карельском перешейке войска фронта сдерживали наступление противника, обеспечивая развитие полевого заполнения на главной оборонительной полосе Карельского укрепрайона. Очевидно, что перспектива новых атак финских войск воспринималась командованием фронта не менее серьезно, нежели наступление немцев. Не случайно, что 23-я армия вместе с частями укрепрайона постоянно усиливалась, насчитывая в своем составе на 6 сентября 44 тыс. чел., 400 станковых и 600 ручных пулеметов, 200 орудий и 80 минометов. При этом дополнительно ей выделялись полковая артиллерия и минометы⁴⁸. План обороны Ленинграда на ближайших подступах к нему, разработанный в штабе Ленинградского фронта 7 сентября 1941 г., исходил из того, что «главные усилия противника можно ожидать с севера на направлениях:

- а) Белоостров, Удельная; Лемболово, Мистолово, Удельная;
- б) Грузино, Токсово, Ржевка и Никулясы,
- а с юга — на направлениях:
 - а) Ропша, Красное Село, Урицк;
 - б) Тосно, Московская Славянка».

Предполагалось, что одновременно противник будет пытаться форсировать Неву с целью соединения с финской армией для удара по Ленинграду с востока силами до 30 пехотных и 2 танковых дивизий⁴⁹. Части 8-й армии испытывали мощный натиск вермахта, стремившегося выйти к побережью Финского залива. Из-за переброски на Карельский перешеек 291-й стрелковой дивизии серьезно снизился потенциал Красногвардейского укрепрайона, против которого действовали две танковые дивизии немцев. На грани истощения была и 55-я армия, которая вынуждена была прекратить наступление на всех участках фронта. В ее составе полноценной была лишь 168-я стрелковой дивизии, которая насчитывала около 10 тыс. чел., 140 пулеметов, 170 орудий и минометов и обладала высокими боевыми качествами.

Остальные дивизии имели в своем составе всего от полутора до 2 тыс. чел. и нуждались в пополнении и вооружении. В еще более тяжелом положении находилась 48-я армия, которая, несмотря на пополнение восемью маршевыми батальонами и усиление 1-й дивизией НКВД, оставалась неуккомплектованной,

имея в своем составе всего 10 тыс. чел. «при малом числе пулеметов, орудий и минометов»⁵⁰. Однако этих сил пока хватало для того, чтобы прикрывать Северную железную дорогу к востоку от ст. Мга, хотя вести бои приходилось в условиях доминирования авиации противника, наносившего массированные удары по средствам ПВО, шлюзам на Новолодожском канале, 8-й ГЭС, Шлиссельбургу, Дубровке, а также войскам в районе ст. Мга, Слуцка и ст. Новолисино. При этом вновь отмечалось, что авиация фронта работала на пределе своих возможностей, произведя за день 339 самолетовылетов, в которых было задействовано 36 бомбардировщиков, а авиация, дислоцированная в районе Тихвин — Плеханово, «выполняла задания т. Шапошникова»⁵¹.

Таким образом, наиболее опасным, по мнению командования фронта, было Карельское направление, где наступали финны, а не южное и мгинское, где боевые действия вели части 18-й немецкой армии. В оценке направления главного удара финских и немецких войск и, соответственно, в распределении скудных сил и средств для организации обороны Ленинграда и состояла, вероятно, одна из главных задач командования Ленинградским фронтом. Финны, как известно, свое наступление на Ленинград постепенно прекратили, а немцы продолжили сжимать кольцо, к исходу 6 сентября овладев рядом населенных пунктов близ Ропши. Неудачи преследовали не только 8-ю, но и 55-ю армию. Входящий в ее состав 41-й стрелковый корпус безуспешно пытался продвигаться в направлении Вырицы, но из-за острой нехватки снарядов, горючего и продовольствия остановился. Более того, наладить должное снабжение корпуса не удалось: за 5–6 сентября ему было отправлено всего 200 выстрелов, 3400 л горючего и 2440 кг продовольствия, из которых «корпусом получена только часть»⁵².

Фронту не хватало свежего подкрепления. Однако направленные в Ленинград 17 маршевых батальонов по неизвестной причине до места назначения не дошли. В письме генерал-майору интендантской службы Шилову Ворошилов с горечью констатировал: «[Маршбаты] незаконно захватила 7-я армия или еще кто-то другой, а мы все это проморгали. Тов. Щаденко сообщил, что ни он, ни кто-либо другой из Москвы не распорядился об отправке наших маршбатов на север. Вам надлежит приложить все усилия по розыску недосланных батальонов и незамедлительно отправлять их в Ленинград, где они нужны до крайности»⁵³.

На фронте 48-й армии противник продолжал наносить массированные бомбовые удары по частям 1-й дивизии НКВД, в которых участвовало до 200 самолетов, а потом ввел в бой танковые части. Вследствие этого дивизия понесла большие потери и вынуждена была отойти к южному берегу Невы. Возникла реальная угроза форсирования реки; для отражения этой угрозы на участке Пороги и Дубровка были сосредоточены силы 115-й стрелковой дивизии и небольшие резервы в составе трех батальонов в районе Манушкино и 200 чел. на автомашинах «в качестве подвижного резерва в районе Пустош»⁵⁴. И без того удручающая картина на фронте дополнялась сведениями о тотальном доминировании авиации противника, которая производила налеты в районе Мги, Невской Дубровки и Шлиссельбурга. По данным командования Ленфронта, в этих налетах участвовало более 320 бомбардировщиков разных

типов, а также более полусотни истребителей Мессершмидт-109. Истребительная авиация фронта делала что могла, главным образом отражая налеты противника на районы Ленинграда, а также защищая собственные аэродромы. Что касается бомбардировочной авиации, то ею было совершено 63 вылета и сброшено более 500 бомб⁵⁵. Следует особо отметить, что КБФ огнем судовой артиллерии и с кронштадтских фортов поддерживал действия наших войск на фронте 23-й и 48-й армий.

7 сентября 1941 г. К. Е. Ворошилов и А. А. Жданов вновь обратились к Сталину, отправив копию начальнику Генштаба Шапошникову, с просьбой об усилении боевой авиацией, объясняя неудачи дивизии НКВД в районе ст. Мга тем, что немцы добились господства в воздухе: «Противник снова усилил свою испытанную тактику — глушить наши войска сначала превосходными силами авиации, а потом бросать в атаку на них танки. Этот метод был применен и сегодня против дивизии НКВД в районе ст. Мга. В результате налетов... дивизия понесла значительные потери. Наша авиация, вынужденная прикрывать войска на всех участках, где противник особо активен, распыляет свои и без того незначительные силы. Мы просим усилить нас боевой авиацией, хотя бы на 100 бомбардировщиков и столько же истребителей. Это даст возможность бороться за господство в воздухе и развяжет руки нашим стрелковым войскам. В настоящее время создается ненормальное положение, когда две авиадивизии (39 и 2) не выполняют приказы начальника воздушных сил фронта, ввиду получения ими приказов то от т. Кулика, то от т. Шапошникова непосредственно... Просим указаний о прекращении беспорядков»⁵⁶. Стремясь мобилизовать все ресурсы, которые могли помочь Ленинградскому фронту, 11 сентября Ворошилов напрямую обратился к командующему 54-й отдельной армией маршалу Кулику, передав ему через генерал-майора Новикова записку следующего содержания:

Сегодня из телеграммы Г. К. Оборона узнал, что Ваша армия предназначена для оказания прямого содействия Ленинградскому фронту. Фронт сейчас нуждается в помощи больше, чем когда-либо. Противник, прижав наши усталые и потрепанные войска к оборонительному рубежу, изо всех сил рвется к Ленинграду, обещая раздетым войскам своим и уют, и тепло, и окончание войны. Бои ведутся жесточайшие. Вчера противнику удалось проткнуть наш слабый укрепрайон у Красного Села.

Сегодня все бросаем на ликвидацию этого прорыва. Необходимо, чтобы Ваша авиация вылетела хотя бы пару раз на Красносельское направление, что сильно поможет нашим войскам. Наша авиация малочисленна, и противник господствует в воздухе. Прошу приказать вверенной Вам авиации содействовать нашей авиации на Красносельском направлении.

Почему Вы ничего не сообщаете о действиях и намерениях 54 армии, ведь она должна работать в тесном взаимодействии с армиями Ленинградского фронта? Почему не посылаете своих сводок, не требуете от штаба фронта сообщений о действиях наших армий?

Всего этого я не понимаю, так могут вести себя только зарпортовавшиеся люди, а не старые революционные бойцы-командиры и друзья к тому же.

Сообщите о себе и армии все и пошлите с нарочным⁵⁷.

Письмо аналогичного содержания через того же генерал-майора Новикова было направлено командующему 48-й армии М. А. Антониюку, который в течение пяти дней не предоставлял в штаб Ленинградского фронта донесений о положении армии и игнорировал радиосвязь. «Ваша армия, которой мы отдали все маршевые батальоны, — писал Ворошилов, — должна и может теперь оказать серьезную помощь фронту, а Вы вместо помощи фронту прекратили всякую связь с ним. Я Вас, т. Антониюк, серьезно предупреждаю, что если Вы и впредь будете себя вести подобным образом, Вам придется серьезно за это отвечать. С подателем этой записки пришлите подробную ориентировку и сводки...»⁵⁸

В тот же день Сталину было отправлено детальное боевое донесение о ситуации на фронте, главным образом о боях в районе Красногвардейска, где противник продолжал наступление значительными силами при мощной поддержке авиации. Под ее воздействием «наша артиллерия и пулеметы вынуждены были временно прекращать огонь и этими моментами противник пользовался для продвижения», прорвав передний край укрепрайона⁵⁹. Для предотвращения дальнейшего продвижения немецких войск и восстановления положения в районе Красного Села, Дудергофа и населенного пункта Тайцы командование фронта сосредоточило резервный 50-й стрелковый полк, бригаду морской пехоты, 1-ю танковую дивизию и танковый батальон. В район деревни Разбегай из состава 8-й армии была переброшена 11-я стрелковая дивизия. На этом участке фронта были мобилизованы основные силы фронтовой и морской авиации с целью прикрывать войска от воздушных ударов противника⁶⁰.

Детальные боевые донесения с подробным изложением объективной картины, складывающейся на фронте, а также с анализом причин ухудшающегося день ото дня положения вокруг Ленинграда Ставку никоим образом не устраивали. В очередной раз в адрес командования фронтом прозвучали резкие упреки и обвинения за катастрофическое развитие ситуации в течение всей битвы за Ленинград со стороны не только Сталина, но и других ключевых членов ГКО — Молотова, Маленкова и Бериин. Доклад штаба фронта, явившийся своего рода отчетом и анализом причин постигших фронт неудач, подвел, по сути, черту под деятельностью Ворошилова в качестве командующего⁶¹.

Отвечая по пунктам на основные претензии со стороны Ставки, Ворошилов и Жданов отмечали, что реальной ситуации от нее они никогда не скрывали, что в течение двух месяцев пытались создать сильную группировку, но ударный кулак для нанесения мощных контрударов не удалось создать из-за того, что дивизии народного ополчения были сформированы в разное время, они были совершенно не обучены и плохо вооружены. Более того, их бросали на наиболее опасные участки фронта во второй половине июля и особенно в августе, когда был прорван фронт 8-й армии. Таким образом, несмотря на четыре стрелковые дивизии, присланные Ставкой, а также дивизию НКВД, сил было явно недостаточно, чтобы перейти к активным действиям.

Далее они отметили, что в конце августа — первых числах сентября ключевым для фронта стало давление немецких войск от Саблино на Ивановское и Мгу, совпавшее по времени с беспорядочным отступлением 23-й армии на

Карельском перешейке с потерей всего артиллерийско-минометного вооружения. Все это вынуждало командование фронта заниматься ликвидацией наиболее опасных очагов.

Положение на фронте усугублялось явным и все возрастающим превосходством авиации противника, прежде всего бомбардировочной, а также преимуществом в танках и автоматическом оружии. Значительная часть истребительной авиации прикрывала город и не могла эффективно бороться с бомбардировщиками немцев.

Что касается танков КВ, то более половины из них (60 из 112) были переданы в войска с Кировского завода в период с 30 августа по 10 сентября включительно⁶². При этом 60 танков КВ составляли резерв фронта. Остальные 52 танка КВ были распределены на наиболее опасных направлениях и являлись главной опорой Красногвардейского укрепрайона. В очередной раз Ворошилов и Жданов отметили: о помощи Ленинградскому фронту со стороны дивизий 54-й армии Кулика «мы до сих пор ничего не знаем». В заключении доклада они заверяли членов ГКО: «Сдавать Ленинград мы не собираемся, вы сами это отлично знаете. Все силы и средства города и армии сейчас брошены на защиту Ленинграда, и мы полны уверенности в нашей победе. Нам нужна срочная помощь... авиацией, оружием, о чем мы просили и снова просим»⁶³.

Доклад был передан шифром в 11 сентября в 15:40⁶⁴, а это значит, что еще в течение двух суток с должности Ворошилов снят не был: вероятно, последняя его попытка в качестве командующего привлечь армию Кулика к участию в операциях фронта датируется 13 сентября. В этот день в 14:45 за подписью Ворошилова и Жданова в Генштаб маршалу Шапошникову ушла шифровка, в которой сообщалось: «Мною приказано частям стрелковой дивизии НКВД т. Донского форсировать Неву для захвата Шлиссельбурга во взаимодействии с подходящими с востока частями 54-й армии... Прошу срочного приказанья товарищу Кулику развить удар для отрезания и захвата Шлиссельбурга, учитывая, что одновременно будет организован удар с правого берега Невы, с переправой на участке Шлиссельбург — Марьино, при поддержке Ладожской флотилии»⁶⁵.

«Журнал посещений А. А. Жданова» содержит важную информацию о контактах ключевого члена Военного совета Ленинградского фронта практически с самого начала войны до конца 1944 г. Из него следует, что М. С. Хозин был приглашен на совещание в Смольный 12 сентября 1941 г. и затем до 27 сентября ежедневно встречался со Ждановым⁶⁶. Что касается генерала армии Жукова, то он впервые посетил кабинет Жданова вместе с маршалом Ворошиловым и корпусным комиссаром Клементьевым в 4:50 утра 15 сентября⁶⁷. После этого Ворошилов покинул Ленинград.

Таким образом, у Ворошилова не было достаточно сил и средств, прежде всего авиации и танков, чтобы не допустить сухопутной блокады города в условиях, когда оперативное управление осуществлялось без надежной связи и во многом вслепую. Закрывать весь фронт чуть более чем сотней современных танков КВ и авиацией, в состав которой входило около 275 самолетов, было очень сложно в условиях неопределенности и постоянного разнонаправлен-

ного давления противника, сосредоточения значительных сил на Карельском перешейке в связи с опасениями, что финны предпримут новое наступление, испытывая эйфорию от быстрых побед и возврата утраченной в 1940 г. территории.

О реальном положении дел в финской армии, настроениях ее командования и политического руководства страны в связи с мощным давлением Великобритании и США с целью остановить наступление на Ленинград по настоятельной просьбе Сталина ленинградское руководство, конечно, не знало, да и знать не могло⁶⁸. Оперативное руководство, находившееся в ведении начальника штаба фронта, оказалось не на должном уровне. Начиная с сентября 1941 г., когда впервые был поставлен вопрос о новом начальнике штаба, Ставка и Генеральный штаб игнорировали просьбы Ворошилова вплоть до того момента, когда он передал дела Жукову. Однако ни Ворошилову, ни его преемнику так и не удалось наладить взаимодействие с Куликом, который координировал свои действия только с Генштабом, да и усилить руководство штаба фронта высококвалифицированными кадрами тоже не удалось. Не случайно 14 сентября новый командующий фронтом сразу же обратился с просьбой к Сталину: «На подступах к Ленинграду система артиллерийского огня организована очень плохо. Начальник артиллерии Свиридов большой барин. Дело знает недостаточно. Прошу срочно прислать самолетом Воронова и Говорова, так как без их помощи мне трудно быстро устранить недостатки»⁶⁹. Наконец, на долю Ворошилова выпало то время управления фронтом, когда и немцы, и финны проявляли наибольшую активность. По-видимому, Ворошилов возглавлял фронт в тот период, когда ожидания Ставки выполнить было невозможно.

С третьей декады сентября после переброски основных танковых частей вермахта на московское направление ситуация под Ленинградом кардинально изменилась. Генералу армии Г. К. Жукову удалось прежде всего укрепить дисциплину в войсках и передислоцировать на наиболее опасные направления части, которые были задействованы на Карельском перешейке. Главный маршал авиации А. А. Новиков, в сентябре 1941 г. командовавший ВВС Ленинградского фронта, отмечал, что твердую руку Жукова сразу почувствовали в войсках: «И ничего, казалось бы, особенного при Жукове не случилось, просто изменился характер нашей обороны — она стала более активной. Возможно, то же самое сделали бы и без него... Но если бы произошло это позже, менее твердо и целенаправленно, без такой, как у Жукова жестокости и смелости, и должный результат сказался бы не столь быстро, как тогда требовалось»⁷⁰.

¹ *Glantz D. M. The Siege of Leningrad 1941–1944. 900 Days of Terror. London, 2001. P. 36–37.*

² *Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 2. 8-е изд. М., 1987. С. 148–149.*

³ Там же. С. 149.

⁴ *Ленинград в обеспечении боевой деятельности флота. 1941–1945 гг. М., 1992. С. 77.*

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 640. Оп. 1. Д. 9. Л. 100. — Подробнее см.: План «Д»: план специальных мероприятий, проводимых во время Отечественной войны по общегородским объектам гор. Ленинграда / сост. и авт. вступ. ст. С. К. Бернев, Н. А. Ломагин. СПб., 2005.

⁶ Д. Н. Суханов отмечал, что в результате анализа обстановки в Ленинграде, проведенного прибывшей 26 августа 1941 г. комиссией ГКО, по поводу выяснения дошедшего до Сталина сообщения о намерении Ворошилова готовить Ленинград к сдаче и переходить к партизанской борьбе Ворошилов был отстранен от командования фронтом, и ему было поручено заняться штабом партизанского движения в Москве, а в Ленинград прибыл Г. К. Жуков и приступил к наведению порядка в обороне города (Из воспоминаний Д. Н. Суханова, бывшего помощника Г. М. Маленкова // The US National Archives. Russian and East European Archives. European Database. 1990 — present. No. 3223. P. 9).

⁷ Большинство решений, касавшихся различных вопросов обороны Ленинграда, было принято ГКО в конце августа — начале сентября, хотя первое из них появилось еще 9 июля и было связано с выводом военно-морских кораблей, строившихся на ленинградских заводах Наркомсудпрома. В решении ГКО № 78сс, по-видимому, под влиянием потерь Краснознаменного балтийского флота (далее — КБФ) при выводе флота из Таллина, говорилось: «Разрешить... вывести по внутренним водным системам строящиеся на ленинградских заводах военно-морские суда...» (РГАСПИ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 1. Л. 264).

⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 81. Д. 46. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 2–3.

¹⁰ Там же. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 11.

¹² Там же. Л. 12–13.

¹³ В донесении 21 июля 1941 г. Ворошилов информировал Сталина и Жукова о том, что бросивший остатки 118-й стрелковой дивизии комдив Гловацкий был арестован и предан суду трибунала (Там же. Л. 28).

¹⁴ Там же. Л. 45–46.

¹⁵ Там же. Л. 50–51.

¹⁶ Там же. Л. 53.

¹⁷ Там же.

¹⁸ По воспоминаниям Н. Г. Кузнецова, члены комиссии долетели до Череповца, затем пересели на поезд и доехали до станции Мга, которую бомбили немцы. Из-за того, что железнодорожные пути были разбиты, дальше в сторону Ленинграда пришлось ехать на дрезинах, откуда Ворошилов послал навстречу свой бронепоезд. На следующий день станция Мга была занята противником (Ленинград и обеспечение боевой деятельности флота. С. 77).

¹⁹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 209.

²⁰ Там же. Л. 36, 60. — Уже в условиях блокады 4 октября 1941 г. ГКО постановил «немедленно приступить к эвакуации из Ленинграда» Кировского и Ижорского заводов, а также завода № 174 и всего оборудования, занятого на изготовлении танков КВ, Т-50, бронемобилей, корпусов к танкам и т. п. (РГАСПИ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 11. Л. 169).

²¹ Цит. по: Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. Hamburg, 2002. S. 310.

²² Попов Маркиан Михайлович (1902–1969) — с января 1941 г. был командующим Ленинградским военным округом. С июня по сентябрь 1941 г. командовал войсками Северного и Ленинградского фронтов. 4 сентября 1941 г. по прямому указанию Сталина М. М. Попов был снят с должности начальника штаба фронта как не внушавший доверия «в военном... и политическом отношении» (Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. М., 2004. С. 30).

²³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 213.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 81. Д. 46. Л. 49.

²⁵ Там же. Л. 8.

²⁶ Границы северного направления определялись следующим образом: справа — пос. Пугарево, ст. Ковалево, Заневка; слева — берег Финского залива. Тыловая граница — правый берег реки Невы — Васильевский остров. Границы южного направления: справа — берег Финского залива, слева — Заневка, Новая Самарка, тыловая граница: левый берег реки Большая Нева (Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО. Ф. 8. Оп. 25. П. н. 232. Л. 599).

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 81. Д. 47. Л. 12–13.

²⁸ Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО. Ф. 8. Оп. 25. П. н. 232. Л. 600.

²⁹ Приказ НКВД СССР № 001335 «О назначении начальника и военного комиссара войск НКВД гор. Ленинграда и о формировании оперштаба войск НКВД» // Там же. Л. 615.

³⁰ Уже при новом командующем фронтом 19 сентября 1941 г. В. Н. Меркулов обязал весь начальствующий состав войск НКВД, находившийся в Ленинградском гарнизоне и не состоявший в штатах действующих частей и учреждений НКВД фронта, а также «фактически излишествовавший в штабах, учреждениях и училищах войск НКВД», передать в распоряжение начальника войск НКВД г. Ленинграда с целью доукомплектования начсоставом частей 20-й и 21-й стрелковых дивизий (Приказ НКВД СССР № 001397 «О передаче излишков начсостава войск НКВД в распоряжение начальника войск НКВД г. Ленинграда комбрига тов. Курлыкина» // Там же. Л. 627–628). В этом же русле было решение о временном расформировании факультета инженеров противопожарной обороны НКВД СССР при Ленинградском инженерно-строительном институте, принятое 24 сентября 1941 г. Весь личный состав факультета, годный к несению военной службы, был направлен в качестве боевого подразделения на укомплектование 20-й стрелковой дивизии войск НКВД СССР (Там же).

³¹ Седякин Александр Игнатьевич (1893–1938) — военный деятель, командарм 2-го ранга (1935). 2 декабря 1937 г. арестован. Признал себя виновным в участии в антисоветском, троцкистском, военно-фашистском заговоре. 29 июля 1938 г. приговорен к смертной казни. На следствии дал показания на почти 100 «связанных с заговором» человек. Расстрелян 29 июля 1938 г. В 1956 г. реабилитирован.

³² Сатин Аркадий Иванович (1896–1937) — комбриг (1935). 20 мая 1937 г. по политическому недоверию уволен в запас. Арестован 27 мая 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 14 августа 1937 г. по обвинению в участии в военном заговоре приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1956 г. (*Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА. Комбриги и им равные. 1937–1941. М., 2014. С. 226–228).

³³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 81. Д. 47. Л. 39.

³⁴ Там же. Л. 43.

³⁵ Там же. Л. 44–45.

³⁶ Там же. Л. 51–52.

³⁷ Там же. Л. 54–55.

³⁸ Там же. Л. 42.

³⁹ Там же. Л. 47–48.

⁴⁰ Там же. Л. 49–50.

⁴¹ Там же. Л. 5–6.

⁴² Там же. Л. 67.

⁴³ Там же. Л. 68.

⁴⁴ Там же. Л. 1–4.

⁴⁵ Там же. Л. 32.

⁴⁶ Там же. Л. 17–20.

⁴⁷ Там же. Л. 27–27 об.

⁴⁸ Там же. Л. 28–29.

⁴⁹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 187.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 81. Д. 47. Л. 30.

⁵¹ Там же. Л. 30–31.

⁵² Там же. Л. 34.

⁵³ Там же. Л. 37.

⁵⁴ Там же. Л. 35.

⁵⁵ Там же. Л. 36.

⁵⁶ Там же. Л. 33.

⁵⁷ Там же. Л. 58.

⁵⁸ Там же. Л. 59.

⁵⁹ Там же. Л. 61–62.

⁶⁰ Там же. Л. 62.

⁶¹ Полный текст доклада см. в: Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 195–197 (в этой публикации содержатся некоторые неточности, в частности о количестве танков КВ, поступивших в войска с Кировского завода с 30 августа по 10 сентября).

⁶² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 81. Д. 47. Л. 65.

⁶³ Там же. Л. 66.

⁶⁴ Там же. Л. 63.

⁶⁵ Там же. Л. 69.

⁶⁶ Журнал посещений А.А. Жданова. 1941–1944 гг. / отв. ред. К.А. Болдовский. СПб., 2014. С. 38–46.

⁶⁷ Там же. С. 40.

⁶⁸ 5 сентября 1941 г. Черчилль информировал Сталина: «Мы охотно готовы оказать в полную меру наших сил всяческое давление на Финляндию, включая немедленное уведомление ее, что мы объявим ей войну, если она пойдет дальше своих старых границ. Мы просим также США предпринять все возможные шаги, чтобы повлиять на Финляндию» (Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны: в 2 т. Т. 1 / В. О. Печатнов, И. Э. Магадеев. М., 2017. С. 63).

⁶⁹ Цит. по: *Смыслов О. С.* Забытый полководец. Генерал армии Попов. М., 2015. С. 184.

⁷⁰ Цит. по: Там же. С. 184.

Статья поступила в редакцию 15 апреля 2018 г.

Рекомендована в печать 3 декабря 2018 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ломагин Н. А. «Народному Комиссару Обороны товарищу Сталину»: донесения командующего Ленинградским фронтом К. Е. Ворошилова // *Новейшая история России.* 2019. Т. 9. № 1. С. 35–55. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.102>
УДК 94(47).084.8

Аннотация: В статье, основанной на архивных источниках, раскрывается деятельность К. Е. Ворошилова в период обороны Ленинграда вплоть до его смещения с поста командующим фронтом в середине сентября 1941 г. На основании ежедневных боевых донесений показаны вызовы, с которыми столкнулось командование Северо-Западного направления, а затем и Ленинградского фронта. Речь шла о превосходстве наступавших сил вермахта, прежде всего в организации и связи, а также большом техническом преимуществе противника в авиации, артиллерии и автоматическом оружии; кроме того, для советского командования полной неожиданностью стали стремительный крах войск на Карельском перешейке, утрата не только территории, но и значительных материальных ресурсов, вследствие чего оборонявшиеся уже в начале сентября столкнулись с перспективой полного окружения Ленинграда и его потери. Вопреки доминирующему в литературе мнению о некомпетентности Ворошилова представлены факты, свидетельствующие о том, что в течение двух месяцев, начиная с середины июля, Ворошиловым совместно с руководством Ленинграда предпринимались в большинстве своем адекватные угрозам меры. В условиях, когда Ставка не могла оказать какой-либо существенной помощи Ленинграду, ключевую роль играла способность использовать местные ресурсы. В частности, за счет местных резервов формировались дивизии народного ополчения, проводилась мобилизация необходимых ресурсов для строительства оборонительных укреплений, прежде всего Лужского рубежа, предпринимались шаги по укреплению дисциплины, вплоть до издания приказа «Ни шагу назад», осуществлялась подготовка населения к бомбежкам и даже ведению химической войны. Совместно с органами НКВД проводились специальные мероприятия на случай вынужденного оставления города. Таким образом, в пассивности Ворошилова упрекнуть было нельзя. Ошибка, приведшая к ослаблению фронта 42-й армии, состояла, очевидно, в том, что была переоценена возможность штурма Ленинграда со стороны Карельского перешейка.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, битва за Ленинград, Ленинградский фронт, маршал Ворошилов, Сталин.

Сведения об авторе: Ломагин Н. А. — д-р ист. наук, проф., Европейский университет в Санкт-Петербурге; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); lomagin@eu.spb.ru

Европейский университет, Россия, 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1А
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Lomagin N. A. "‘To Comrade Stalin, People’s Commissar of Defense’: Reports by K. Voroshilov, Commander-in-Chief of Leningrad Front", *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 1, 2019, pp. 35–55. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.102> (In Russian)

Abstract: This essay examines activity by the Commander-in-Chief of the Leningrad Front, Marshal Voroshilov, during the Battle of Leningrad, up to his dismissal in mid-September 1941. Based on daily military reports to Stalin, the article reveals the main challenges faced by the Soviet Northwestern Command, and then by the Military Council for the Defense of Leningrad. These challenges were fourfold: the German forces had significant superiority over their Soviet counterparts in organization and management; they enjoyed a large advantage in aviation, artillery, and machine guns; Voroshilov was taken by full surprise by the rapid collapse of the defense of the Karelian peninsula; and the rapid advance by Finnish troops towards Leningrad threatened the encirclement and loss of the city. Contrary to widespread belief that Voroshilov was replaced by Army General Zhukov for incompetence that was becoming more evident each day, the article proves the opposite. From mid-July on, Voroshilov and Leningrad Front’s Command met the bulk of these challenges more or less effectively, taking into account limited resources. Because the High Command was not able to provide Leningrad with substantial material help, the key strategy by Voroshilov and the Military Council as the whole was to mobilize domestic resources, both human and material. Organizing many thousands of militia troops and fortification near Luga, and strengthening discipline in the army, delayed the German approach to the city. However, he overestimated the Finnish threat and substantially weakened his 42nd Army in the South.

Keywords: Great Patriotic War, Battle for Leningrad, Leningrad Front, Marshal Voroshilov, Stalin.

Author: Lomagin N. A. — Dr. Sci. in History, Professor, European University at St. Petersburg; St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); lomagin@eu.spb.ru

European University at St. Petersburg, 6/1A , Gagarinskaya st., St. Petersburg, 191187, Russia
St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

- Blokada Leningrada v dokumentakh rassekrechennykh arkhivov* (Moscow, 2004).
Cherushchev N. S., Cherushchev Ju. N. *Rasstreljannaja jelita RKKK. Kombrigi i im ravnye. 1937–1941* (Moscow, 2014).
Glantz D. M. *The Siege of Leningrad 1941–1944. 900 Days of Terror* (London, 2001).
Leningrad v obespechenii boevoi dejatelnosti flota. 1941–1945 gg. (Moscow, 1992).
Perepiska Stalina s Ruzveltom i Cherchillem v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, Vol. 2 (Moscow, 2017).
Plan “D” : plan spetsialnykh meroprijatij, provodimikh vo vremia Otechestvennoi voiny po obshegorodskim objektam Leningrada (St. Petersburg, 2005).
Smyslov O. S. *Zabytii polkovodets. General armii Popov* (Moscow, 2015).
Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944 (Hamburg, 2002).
Zhukov G. K. *Vospominania i razmyshlenia, Vol. 2* (Moscow, 1987).
Zhurnal poseshchenii A. A. Zhdanova. 1941–1944 (St. Petersburg, 2014).

Received: April 15, 2018

Accepted: December 3, 2018